

С. А. Тупало

Учительница

Иринка Новикова с пеленок росла вольницей, на бабкиных руках. Мать целыми днями в школе в соседнем селе, по вечером тетрадки у нее, планы на завтра, отец, председатель колхоза, и вовсе домой только на ночь справлялся. Мать дочку сильно не ласкала, но и не строжничала, не успевала просто, зато бабушка откровенно баловала и все позволяла. И в карты с ней в дурака «в поддавки» играла, и качель зимой посреди кухни вешала, и кукол тряпочных шила. Дед с внучкой примеры решал, сказки рассказывал, а уж любил ее - до безумия.

- Мачеха ты, а не мать, - порой ворчал он на невестку, - возле чужих детей днями крутишься, а на родное дитя и часу не хватает.

Слова эти не отвечали истине, потому что Фаина Прокопьевна, так звали Иринкину мать все в округе, заботилась о дочке, занималась с ней и воспитывала. Ира не чувствовала себя обделенной материным вниманием, просто с бабушкой проще было, веселее, беззаботнее. Мать же больше спрашивала, чем давала, и отчитывала за всякие проступки, а бабушка во всех случаях была неизменно на ее, Ириной, стороне, доказывая с пеной у рта, что это другие девочки драку-ссору затеяли, а Иринка и вовсе тут невиноватая.

И так уж оно по годам получилось, что поступать в школу Ире довелось к родной матери. Девочке летом семь исполнилось, а у Фаины Прокопьевны как раз набор первоклашек. Школа на семь деревень одна, и учительниц в ней всего две, куда денешься? Мать пробовала поменяться с Валентиной Михайловой, второй учительницей, классами, да та не захотела, к ученикам, мол, привыкла, да и они ко мне тоже. Причина уважительная, поэтому мать и не настаивала, только вздыхала, отцу жалуясь, «что вот как неудобно будет свою дочку учить».

Все лето она Иру наставляла, что с осени станет ей учительницей, и все для них переменится, потому что в школе порядки строгие, и там нельзя дочке себя вести, как дома. Называть учительницу надо на «вы» и по имени отчеству, и ни в коем случае «мамой», а то другие ребята смеяться будут. Ира слушала, но не понимала, как это маму, словно постороннюю сторониться, ни подойти к ней нельзя, ни прижаться, ни спросить что-нибудь или рассказать на ушко?

Первого сентября собрались все ребята возле школы, в белых фартучках, с букетами георгинов. Из одноклассников только одна своя, деревенская, а остальные девочки совсем незнакомые. Смотрят друг на друга, улыбаются, а заговорить не решаются...

- А учительница наша – моя мама! – похвалилась Иринка. – Вон она, в розовой кофте, с крыльца спускается.

Все повернулись к ней, глазенки изумленно расширили.

- Вот повезло тебе! – высказала общее мнение одна из девочек. – Одних пятерок наставит!

Мать показалась Ире очень нарядной и красивой. Но напрасно девочка ждала от нее какого-нибудь знака – ласкового взгляда, слова или жеста, Фаина Прокопьевна держалась ровно, строго и отчужденно, как незнакомая. Ничем не выказав, что Ира ей дочка, она построила учеников в шеренгу и повела в класс. Рассадилась малышкой по партам, а Ире отвела, как той показалось, самое плохое место, на третьей парте в среднем ряду. Класс был поделен надвое, потому что в одной комнате занимались и первыши, и третьеклассники, и рядом с Ирой оказался большой мальчик из старшего класса. Ей даже поговорить было не с кем, а она так хотела сидеть за одной партой с подружкой из деревни!

Потом мать открыла журнал и сделала переключку. Она называла фамилию, а новый ученик вставал и говорил: «Я, Фаина Прокопьевна». Когда подошла очередь Иры, девочка вздрогнула и очень удивилась. Зачем же мама ее тоже спрашивает, разве же не знает, что это она, Ира, и есть? Потом вспомнила летние наставления, что надо вести себя «как все», встала и тихо ответила: «Я, Фаина Прокопьевна»... На девочек глаз не подняла, ей было неловко перед ними, словно там, на улице, она обманывала их, говоря, что учительница ее мама.

Потекли учебные дни. Ира не сразу поверила, что никаких поблажек ей не будет. Какое-то время она еще пыталась поставить себя перед одноклассниками в особое положение, на переменах подходила к матери или пыталась посидеть с ней в учительской, как всегда делала раньше, когда еще не была ученицей, и они с бабушкой заходили за чем-нибудь в школу. Однако мать сразу же пресекла эти робкие попытки суровой отповедью: «Чего тебе, Новикова Ира? Иди в коридор, играй с ребятами, сюда нельзя заходить без разрешения!» Ничем не выделяя особую ученицу, Фаина Прокопьевна сама не замечала, что была к ней строга вдвойне, и то, что простилось бы другому школьнику, Ире непременно ставилось в промах и вело к снижению отметки.

А потом случилось событие, которое навсегда отбило у Иринки охотку выделиться.

Ежедневно перед началом занятий в классе проводилось зарядка - четыре, пять несложных упражнений, которую проводил дежурный третьеклассник. Он выходил к доске и командовал, а остальные стояли возле парт и выполняли движения.

«Не буду я зарядку делать!» - подгоняемая внутренним бесом противоречия, решила Иринка. Пока другие ребята занимались, она упрямо сидела, не слушая увещаний дежурного, твердо уверенная в своей безнаказанности. Ну, в самом деле, что ей сделает Фаина Прокопьевна, не прибьет же перед всем классом свою доченьку?

Прозвенел колокольчик звонка, который подавала уборщица тебя Люба, и в класс вошла учительница.

- Фаина Прокопьевна, а Ира Новикова зарядку не делала! – доложил дежурный.

- Почему? – строго обратилась мать к дочери.

- А мне не хотелось! – с отчаянной смелостью глядя на мать, заявила Ира. Класс замер, ожидая дальнейшего.

- Хорошо, - открывая журнал, спокойно сказала Фаина Прокопьевна, - зарядка это физкультура, такой же урок, как письмо или арифметика. Раз ты не захотела заниматься, то и получишь ту отметку, которую заслужила, – и вывела напротив ее фамилии большую жирную единицу.

- Ма... Фаина Прокопьевна... - из глаз опешившей от неожиданности Иры щедрой рекой хлынули слезы.

Если мать и испытала какое-то чувство жалости или сочувствия к слезам дочери, она ничем себя не выдала. Еще и прикрикнув, чтоб не мешала заниматься другим ребятам, она спокойно начала урок.

Ира плакала весь день, и на уроках, и на переменах, а дома бабушка, конечно же, сразу заметила припухшие от слез глаза внучки.

- Что такое, деточка? – приступила она к дознанию. – Мать обидела, двойку поставила? Вот ведь строжница, родное дитя до слез довести!!

- Бабка... - в другое время Ира непременно пожаловалась бы своей заступнице, но сейчас, чувствуя собственную неправоту, сказала другое, - Фаина Прокопьевна меня не доводила, она учительница, и лучше знает, какие оценки ставить. Она добрая, ее все наши ребята любят.

Бабушка не поверила, и вечером приступила с допросом к невестке.

- Мачеха ты, а не мать! – кричала она, не обращая внимания на сидевшую за столом Иру. – Сердца у тебя нет в груди, жалости!

- Выйдемте, мама, - твердо отвечала Фаина Прокопьевна, - здесь я с вами разговаривать не буду!

Что сказала мать бабушке, для Иринки навсегда осталось неизвестным. Но с этих пор она никогда не вмешивалась в отношения внучки с учительницей, только иной раз вздыхала про себя, разглядывая ее школьные тетрадки, где под идеальной вроде бы домашней работой чаще всего стояла четверка...

А Ира усвоила урок, преподанный ей в тот день матерью-учителем. Прилежно занимаясь, она закончила начальную школу круглой отличницей!

Став взрослой, она с теплом и благодарностью вспоминала школьные годы и свою первую учительницу Фаину Прокопьевну, научившую ее не только письму и арифметике, но самодисциплине, человеческой нравственности и ответственности за совершенные проступки!